

Судьбы
книг

ГОРЕ ОТЪ УМА.

КОМЕДИЯ
ГРИБОѢДОВА.

ГЛАДЫШ И.А.
ДИНЕСМАН Т.Г.

СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ

«КНИГА»

И. А. Гладыш
Т. Г. Динесман

„Горе от ума“

Страницы истории

Издательство
«Книга»

Москва
1971

8 P1

Г 52

Гладыш И. А., Динесман Т. Г.

Г52 «Горе от ума». Страницы истории. М., «Книга», 1971. 64 с. с ил. (Судьбы книг).

Книга рассказывает о необычной судьбе комедии А. С. Грибоедова, которую автор не увидел при жизни ни в печати, ни на сцене. О сотнях рукописных списков комедии, ставших идейным оружием декабристов в борьбе с царизмом. О людях, распространявших эти списки, о судьбе самых интересных списков, о первом издании «Горя от ума». Книга продолжает серию популярных изданий, адресованных самым широким кругам читателей.

6-10-1

99-71

8P1

6-10-1

99-71

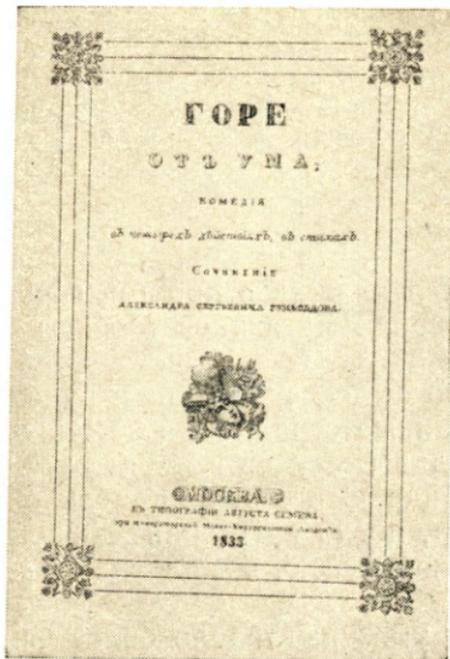
В ноябре 1833 года небольшая книжка в простой серой обложке появилась на прилавках магазинов Москвы и Петербурга.

Однако автору не суждено было держать ее в руках, перелистывать свежееотпечатанные страницы и слышать, что весь тираж разошелся, едва поступив в продажу, — 30 января 1829 года Александр Сергеевич Грибоедов, автор комедии «Горе от ума», погиб в Тегеране, выполняя опасную дипломатическую миссию, возложенную на него правительством.

Первое издание «Горя от ума» выглядело более чем скромно. Ни правюр, ни изящных типографских украшений, которые так любили в те годы, не было в этой книге. Простая рамка и маленькая виньетка — вот единственное украшение ее обложки. Все строго, просто, предельно лаконично, ничто не бросается в глаза. И вместе с тем виньетка на обложке не могла не привлечь внимания читателя.

Целая композиция заключена в этой крошечной гравюре. На лавровой ветви лежит театральная маска. За нею — труба и лира. Слева — стопка книг, на которой стоит горящий светильник. Справа — палитра и развернутый свиток.

Казалось бы, все это нужно только для того, чтобы украсить обложку. На самом деле — сложная символика заключена в этой миниатюре. Маска — обязательная

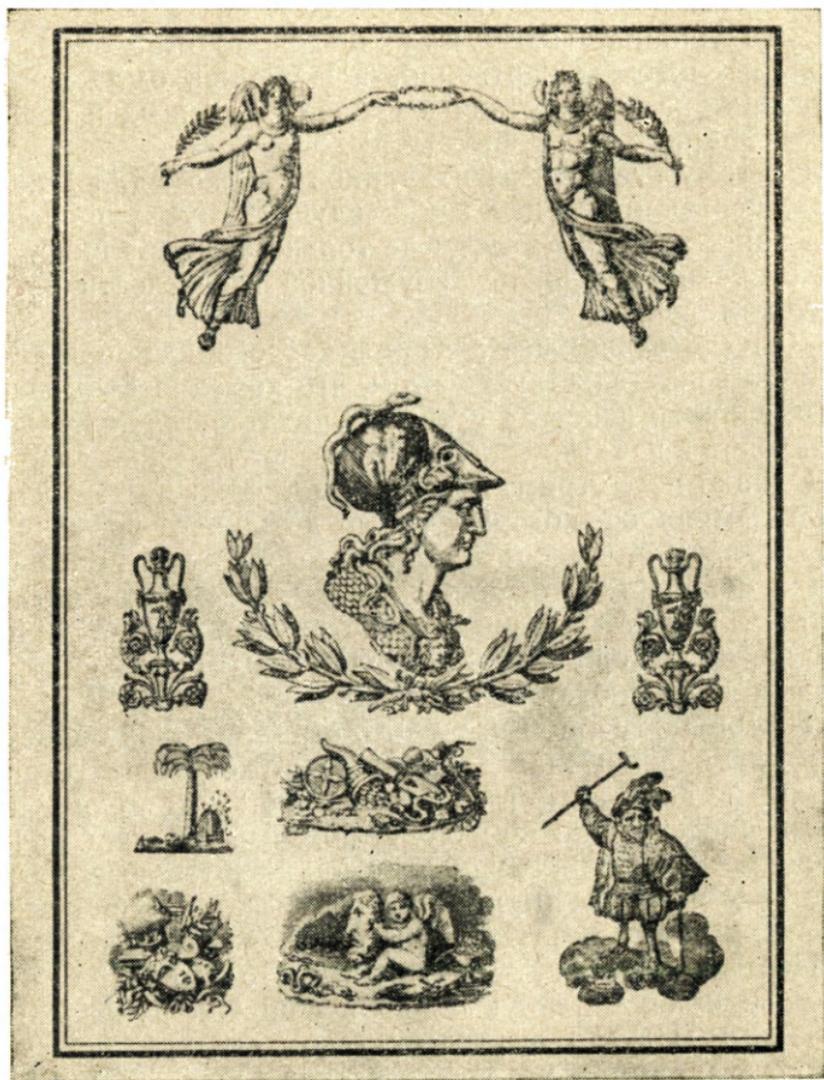
принадлежность древне-греческой сцены — напоминает зрителю, что перед ним произведение, написанное для театра. Лира — древняя эмблема поэтического вдохновения — свидетельствует, что это создание поэта. Палитра художника символизирует богатство и яркость его красок. Пылающий светильник — древний символ неугасимого разума — говорит о заключенной в книге мудрости. И, наконец, лавровая ветвь и труба. Это неизменные атрибуты славы: обычно ее изображали в виде крылатого гения, который тор-

Обложка первого издания «Горя от ума» (Москва, 1833)

жественными звуками трубы возвещал появление героев и лавровым венком венчал прославленных воинов и поэтов.

Так, языком давно устоявшихся, понятных в то время каждому читателю символов и эмблем издатель высказал свой взгляд на выпущенную книгу.

Это не было редкостью. В те времена виньетки занимали большое место в оформлении книги. Они отвечали ее содержанию и настраивали читателя определенным образом. Случалось даже, что виньетка приобретала известный политический смысл и тогда вместе с книгой, которую она украшала, становилась предметом внимания

Образцы печатных виньеток XIX века. Внизу слева — виньетка первого издания «Горе от ума».

властей. Так произошло в 1827 году с первым изданием поэмы Пушкина «Цыганы»: виньетка, в которую входили эмблемы мятежа, жертвенности и скорби, была воспринята как знак сочувствия к судьбе казненных и сосланных декабристов.

Поэтому к виньетке, избранной для комедии Грибоедова, нельзя отнести как к случайному украшению. Она напоминает читателям не только о жанре книги, но, что особенно важно, о заслуженной известности автора и его комедии.

Действительно, вся история первого издания «Горя от ума» свидетельствует, о том, что комедия Грибоедова стала широко известна русскому читателю задолго до ее появления в печати.

Однако посмотрим, как выглядит один из тех немногих экземпляров, которые дошли до нашего времени.

Титульный лист почти повторяет обложку: нет только рамки и виньетка гораздо проще. Одна лишь маска да шутовский жезл — эмблема остроумия и комедийного начала, характерная для театра эпохи Возрождения, — вновь напоминают о жанре комедии.

Теперь перевернем несколько страниц. Сразу бросается в глаза необычная картина — рукописные строки, аккуратно вписанные в печатный текст. Это хорошо знакомые рассуждения Фамусова, который внушает дочери правила житейской мудрости. Заключительные четыре строки фамусовского «поучения» вписаны в книгу от руки, потому что в печатном тексте комедии их нет.

Перелистав книгу, мы увидим, что это не случайность. Вся комедия буквально испещрена рукописными вставками. На сто шестьдесят семь страниц текста их можно насчитать более трех десятков. Одни из них содержат всего два-три слова, другие — две-три строки, а есть и такие, ради которых вклеены целые страницы.

Прочтем эти вставки. Легко убедиться, что неизвестный владелец внес в свой экземпляр комедии отнюдь не собственные домыслы. Напротив, перед нами строки Грибоедова, в наши дни хорошо известные каждому школьнику. Иногда это отдельные слова, иногда — меткие характеристики, ныне уже давно вошедшие в поговорку, порой — целые монологи и сцены. И все они отсутствуют в печатном тексте. Оказывается, читатели первого издания «Горя от ума» получили комедию Грибоедова искаженной множеством купюр.

Неизвестный владелец лежащей перед нами книги восстановил полный текст комедии, вписав пропущенные строки от руки. Эта книга хранится в Государственном Литературном музее. А рядом с ней на полке стоит другой экземпляр того же издания. И в нем пропущенные стихи восстановлены чьей-то неведомой рукой. Три экземпляра первого издания «Горя от ума», испещренные рукописными вставками, хранятся в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина; один — в Институте русской литературы Академии наук СССР; три — в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Подобные книги можно найти и в других крупных библиотеках страны. Сейчас их насчитывается более десятка.

Как же объяснить существование этих исправленных кем-то экземпляров? Почему первое издание «Горя от ума» было напечатано с таким количеством искажений и пропусков? Каков характер этих искажений? Так ли они существенны, как казалось тем, кто столь тщательно их восстанавливал? И откуда знали безвестные владельцы этих книг подлинный текст «Горя от ума?» Как вообще могли они знать, что текст комедии искажен, ведь пропуски в книге не были отмечены многоточиями, которыми тогда обычно обозначали купюры?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо заглянуть в прошлое и представить себе обстоятельства, предшествовавшие появлению комедии Грибоедова на прилавках книжных магазинов.

Возвращение его в Москву... было переворотом в его судьбе и началом непрерывных успехов.

А. С. Пушкин

1823 год. Ранней весной Грибоедов приезжает в Москву после четырех с лишним лет пребывания в Тегеране и Тифлисе. На нетерпеливые вопросы друзей он отвечает, что привез с собой два акта комедии «Горе уму», которую начал писать на Кавказе.

В ту пору только самые близкие друзья посвящены в его замыслы. В доме одного из них Грибоедов работает над продолжением комедии — все лето он безвыездно живет в подмосковном имении Степана Никитича Бегичева, своего лучшего друга, первого слушателя, беспристрастного и сурового критика. К осени, когда настала пора возвращаться в город, последние два акта были вчерне завершены.

К этому времени слух о комедии постепенно расходится по Москве. Все чаще, когда Грибоедов появляется с визитами у знакомых, его засыпают вопросами о Чацком и Фамусове, о Софье и Молчалине. Вопросы заканчиваются неизменной просьбой прочесть свое новое творение. Уступая настойчивым уговорам, он соглашается, и эти домашние чтения с их неизменным успехом становятся первыми вестниками зарождающейся известности.

Острота проблемы, удивительная жизненность обра-

зов, великолепный язык, меткость многих характеристик и выражений, сразу превратившихся в поговорки, — все это поражает слушателей Грибоедова. Вскоре слухи о замечательном создании молодого писателя выходят за пределы Москвы. О нем говорят уже в Петербурге, и даже из далекой Одессы ссыльный Пушкин спрашивает друзей в декабре 1823 года: «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию...»¹

Тем временем Грибоедов вновь и вновь возвращается к написанному, отшлифовывая текст, добавляя новые реплики, новые сцены. Светская жизнь, которую он ведет зимой 1823—1824 годов, отнюдь не мешает его работе. Напротив, «каждый выезд в свет представлял ему новые материалы к усовершенствованию своего труда», — вспоминает один из современников². Из других воспоминаний мы знаем, что в это время Грибоедов постоянно ездит на балы и обеды, «чтобы вернее схватить все оттенки московского общества»³. Повседневная жизнь дворянской Москвы проходит перед его глазами, и он спешит воспользоваться этим — светские визиты сменяются долгими часами напряженного труда в уединении рабочего кабинета.

Наконец, через год после приезда в Москву Грибоедов решает, что работа подходит к концу и пора позаботиться о напечатании комедии.

И вот он снова в дорожной карете, на этот раз по пути в Петербург, куда везет рукопись «Горе от ума», тщательно переписанную. Черновой вариант, над которым Грибоедов работал в Тифлисе и Москве, остался у Бегичева. Пройдет немало десятилетий, прежде чем этот черновик из недр семейных архивов попадет в руки исследователей и станет одним из немногих драгоценных источников, по которым будут восстанавливать подлинный текст «Горя от ума».

Наступил июнь 1824 года, когда Грибоедов приехал в Петербург. Многочисленные друзья радостно приветствуют его после шестилетнего отсутствия. «Один другого сменяет в моей комнате... — пишет он Бегичеву. — Никита, брат Александра Всеволодского, Александр, брат Володи Одоевского, журналист Булгарин, Мухановы и сотни других лиц, все у меня перед глазами»⁴.

И с каждой новой встречей, после первых дружеских приветствий, неизменно сыплются вопросы: привез ли рукопись комедии? И даст ли прочесть? А, может быть, сам прочтет ее вслух, как делал это в Москве?

Грибоедов охотно соглашается на просьбы. Чтения следуют одно за другим. Не прошло и месяца со дня приезда в столицу, а он уже потерял счет, сколько раз пришлось ему читать свое «Горе»: «...Крылову, Жандру, Хмельницкому, Шаховскому, Гр[ечу] и Булг[арину], Колосовой, Каратыгину, дай счесть — 8 чтений. Нет, обчелся, — двенадцать; третьего дня обед был у Столыпина, и опять чтение, и еще слово дал на три в разных закоулках. Грому, шуму, восхищению, любопытству конца нет»⁵.

И это еще не все. Из воспоминаний современников мы знаем, что чтений было гораздо больше.

Однако восхищенные слушатели хотят теперь сами перечитать комедию, дать ее прочесть своим друзьям. Им нужна рукопись, и они просят ее у автора. Еще настойчивее те, кому не пришлось присутствовать на чтениях. «Все просят у меня манускрипта и надоедают», — пишет Грибоедов Бегичеву на десятый день своего пребывания в Петербурге⁶.

Но «манускрипт» — единственный экземпляр рукописи, привезенный из Москвы и так тщательно переписанный, — теперь имеет самый плачевный вид. Никто, кроме автора, в нем не разберется, столько здесь помарок.

Еще по пути в Петербург, в почтовой карете, Грибоедов обдумал новую композицию заключительной сцены. Едва добравшись до места, в самый день приезда, сел к столу, и «стихи искрами посыпались» из-под его пера, как сообщал он Бегичеву⁷. Финал комедии приобрел совершенно новый вид.

Чтения вслух также во многом способствовали переменам. Прислушиваясь к звучанию стиха, проверяя реакцию слушателей, нередко импровизируя на ходу, он вычеркивал, переписывал заново. Таковую рукопись никому нельзя дать для чтения. Надо опять переписывать.

Эта работа поручена опытному писцу-канцеляристу. Через несколько дней вся комедия уже переписана четким каллиграфическим почерком от первой до последней страницы. Тщательно проверенная самим автором, выправленная его рукой, эта копия впоследствии оказалась в руках Андрея Андреевича Жандра, ближайшего из петербургских друзей Грибоедова. Жандр бережно хранил ее всю жизнь. Именно ему мы обязаны тем, что второй вариант комедии, апробированный и правленный самим Грибоедовым, дошел до наших дней. Ныне «Жандровская рукопись», как обычно называют эту копию в кругу специалистов, хранится в Москве, в Государственном историческом музее. Для восстановления подлинного текста «Горя от ума» она служит еще более ценным источником, чем автограф, принадлежавший Бегичеву. А тот экземпляр, с которого переписывалась «Жандровская рукопись», исчез бесследно.

*Блажен — не тот, кто всех умнее:
Ах нет! Он часто всех грустнее —
Но тот, кто, будучи глупцом,
Себя считает мудрецом!..*

Н. М. Карамзин

Лето 1824 года принесло Грибоедову не только радость признания, но и первое горькое разочарование — его попытки напечатать «Горе от ума» оканчиваются неудачей. Уже 21 июня он с грустью сообщает поэту Петру Андреевичу Вяземскому о печальных результатах своих хлопот: «На мою комедию не надейтесь, ей нет пропуску; хорошо, что я к этому готов был, и, следовательно, судьба лишнего ропота от меня не услышит...»⁸

Действительно, с самого начала было мало надежды на то, что царская цензура, душившая все передовое, пропустит комедию. Это понимает не только сам Грибоедов, но и многие его друзья. Знаменитый трагик Василий Андреевич Каратыгин пишет в те дни: «Он теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии «Горя от ума», которой вряд ли быть пропущенной»⁹. А несколько позднее друг Грибоедова, писатель Петр Александрович Катенин, выскажется по этому поводу еще более определенно: «Комедия цензурою не пропущена и по нашей системе и не могла пройти... Смелых выходов много, и даже невероятно, чтобы Грибоедов, сочиняя свою комедию, мог в самом деле надеяться, что ее русская цензура позволит играть и печатать»¹⁰.

Однако из письма Грибоедова к Вяземскому мы видим, что он и сам не очень рассчитывал на успех своей попытки. Вероятно, именно эта неуверенность заставляет его пойти не совсем обычным путем. Вместо того чтобы направить просьбу о разрешении печатать «Горе от ума» по инстанциям, он обратился непосредственно к министру внутренних дел В. С. Ланскому. Грибоедов предпри-

Титульный лист альманаха
«Русская Талия»

Запрет со стороны столь высокопоставленного лица, казалось бы, надолго закрыл все другие пути.

Однако неожиданно обстоятельства принимают новый оборот. В начале января 1825 года в Петербурге появляется небольшая, но весьма емкая книжка под названием «Русская Талия». Этот театральный альманах, т. е. сборник драматических произведений, издавался Ф. В. Булгариным. Заглавие книги соответствует ее содержанию: Талия — одна из девяти муз, олицетворявшая искусство комедии. На титульном листе на сей раз — не древние эмблемы, а здание Петербургского Большого театра. Это подчеркивало, как и заглавие, характер сборника.

нял этот шаг, так как раньше был знаком с Ланским и надеялся, что при личном свидании ему удастся убедить министра разрешить комедию к печати.

О своем намерении он писал Бегичеву на восьмой день приезда в Петербург: «Василий Серг[еевич] Ланской — министр внутренних дел... мне по старому знакомству, вероятно, окажется благоприятен»¹¹.

Мы знаем из воспоминаний непосредственного свидетеля событий, что попытка Грибоедова не увенчалась успехом.

Среди множества драматических сцен и отрывков, биографий артистов и критических этюдов, которыми буквально набиты четыреста с лишним набранных петитом страниц альманаха, значится название очередного отрывка, запрятанное в самой глубине оглавления: «Из комедии «Горе от ума», соч. А. С. Грибоедова». Шестидесят страниц — с 257-й по 317-ю — занято сценами из I и III актов недавно запрещенной комедии.

Опубликованные в альманахе отрывки, почти не связанные между собой, в значительной мере потеряли то общественное звучание и остроту, которые отличали комедию в целом. И все же, прежде чем Грибоедов увидел в печати даже эти отрывки, ему пришлось пережить немало тяжелых минут. Свидетельство тому — полные тореchi и боли строки из его письма к Н. И. Гречу, написанного осенью 1824 года: «Коли цензура ваша не пропустил ничего порядочного из моей комедии, нельзя ли вообще не печатать? — Или пусть укажет на сомнительные места, я бы как-нибудь подделался к общепринятой глупости, урезал бы; и тогда весь 3-й акт можно поместить в альманахе»¹².

Достаточно перелистать книжку «Русской Талии», чтобы убедиться в том, что Грибоедову действительно пришлось примириться с «общепринятой глупостью». Из первого действия напечатаны только три заключительные сцены — с момента появления Чацкого. Начальные семь сцен полностью опущены — были найдены безнравственными обрисованные в них отношения Софьи и Молчалина. Целиком пропущено все второе действие — обличающие речи Чацкого, разящие характеристики нравов современного общества в монологе Фамусова и в репликах Скалозуба и Молчалина показались недопустимыми. Та же участь постигла и действие четвертое. Третий акт полон всевозможных искажений. И только «Уведомление

от издателя» — маленький листок, вложенный в каждую книжку альманаха, — робко намекало, что сочинитель неповинен в навязанных ему нелепостях, поскольку «некоторые стихи в комедии... не согласны с подлинником».

Изрезанные, искромсанные отрывки, по которым трудно судить не только об идейном замысле комедии, но даже об ее сюжете, — вот в каком виде предстало перед автором его создание, когда он взял в руки готовую книжку «Русской Талии».

Так кончились первые попытки Грибоедова опубликовать «Горе от ума». Никогда не придется ему увидеть свою комедию, напечатанную полностью. Не увидит он ее и на сцене — запрещение распространяется и на театр.

Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неописанное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами.

А. С. Пушкин

Итак, напечатать «Горе от ума» нет никакой надежды. Однако естественное желание сделать свой труд достоянием читателей не оставляет Грибоедова. Стремление тем более понятое, что чтения комедии показали, какой живой отклик находит она в сердцах современников. «Любопытство многих увидеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтении», о котором писал Грибоедов П. А. Вяземскому¹³, оказывается в самом деле необычайно велико. И поскольку печать и сцена для «Горя от ума» закрыты, остаются два выхода: продолжать чтения вслух или дать возможность тем, кто хочет иметь текст комедии, переписывать ее от руки. Именно на это намекает Грибоедов в письме к Вяземскому: «...уже пустил ее

в ход, — пишет он сразу же после того, как министр внутренних дел отказал в разрешении напечатать комедию, — вы ее на днях получите»¹⁴.

Однако едва Грибоедов решился «пустить в ход» «Горе от ума», стало ясно, что желающих иметь переписанный текст необычайно много, гораздо больше, чем можно было ожидать. Авторского экземпляра рукописи для этого совершенно недостаточно. Казалось бы, нет возможности удовлетворить всех.

И тут на помощь приходит Андрей Андреевич Жандр. Драматург, автор комедий и водевилей, в прошлом даже соавтор Грибоедова (в 1818 году они вместе написали комедию «Притворная неверность»), Жандр занимает в это время довольно значительный пост в департаменте. В его распоряжении целая канцелярия, а в ней — настоящая армия писцов, занятых исключительно копированием деловых бумаг. Жандр поручает им переписку комедии, и вскоре из его канцелярии выходят одна за другой рукописные копии, или «списки», как их тогда называли. Этим спискам «требовалось множество», вспоминает Жандр, и писцы его канцелярии буквально обогатились, выполняя заказы почитателей Грибоедова. С первоначальных списков делаются новые, те копируются в свою очередь, круг читателей комедии Грибоедова непрерывно расширяется.

Так начинается новая жизнь «Горя от ума». Не книга, а списки, сделанные от руки, расходятся сначала по столице, а затем и по всей стране. «Первый списанный экземпляр сей комедии быстро распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии», — пишет современник Грибоедова¹⁵. Вопреки запретам самодержавия «Горе от ума» становится достоянием читателей.

...Это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого проникла в меня до глубины души.

Декабрист А. А. Бестужев

Кто же они, эти люди, благодаря трудам которых создание одного из величайших поэтов России избежало уготованной ему участи быть погребенным под тяжестью полицейских запретов?

К сожалению, большинство списков «Горя от ума» безымянно, и судьбы их владельцев неизвестны. И все же немало можно узнать и восстановить, изучая мемуары, письма и документы той поры. Тогда из множества различных источников складывается стройная картина, перед глазами исследователя возникает обстановка, в которой рождались списки «Горя от ума», встают образы передовых людей своего времени, распространявших эти списки, становятся понятными причины, побуждавшие их делать это.

Особенно знаменательны те страницы истории распространения комедии, которые связаны с именами членов тайного общества, будущих участников восстания 14 декабря.

Осенью 1824 года Александр Александрович Бестужев, писатель, член Северного общества, получил от одного из друзей несколько отрывков «Горя от ума». Он и раньше слышал о комедии Грибоедова, однако «изувеченные изустными преданиями стихи» не дали ему о ней «никакого ясного понятия». Теперь в его руках тщательно переписанные страницы комедии. «Я проглотил эти отрывки; я трижды перечитал их,— вспоминает Бестужев.— Вольность русского разговорного языка, пронзительное остроумие, оригинальность характеров и это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в ли-

це Чацкого проникла в меня до глубины души». Бестужев тут же едет к Грибоедову. Он высказывает ему свое восхищение и просит дать прочесть полный текст комедии. «Она у меня ходит по рукам», — отвечает Грибоедов и приглашает Бестужева назавтра к себе — он будет читать «Горе от ума» в дружеском кругу. «Грибоедов был отличный чтец; без фарсов, без подделок он умел дать разнообразие каждому лицу и оттенять каждое счастливое выражение. Я был в восхищении», — вспоминает Бестужев¹⁶. С этого дня они становятся друзьями.

Вскоре Бестужев уже владеет полным текстом комедии. Он знакомит с ней своих братьев, Николая и Петра, тоже членов тайного общества. Петр Бестужев переписывает «Горе от ума» в особую тетрадь. Год спустя эта тетрадь, захваченная при обыске, будет фигурировать на следствии по делу декабристов.

Вероятно, именно список, принадлежавший Бестужеву, был первым рукописным экземпляром комедии, который попал в круг Рылеева и других петербургских декабристов. Ведь Бестужев — один из самых активных деятелей Северного общества, которым руководил Рылеев. Он ближайший его друг, живет с ним на одной квартире, они вместе редактируют альманах декабристов «Полярная звезда».

Талантливый писатель, человек огромного гражданского темперамента, Бестужев не мог ограничиться пассивной ролью посредника, передающего из рук в руки список комедии. Восторженные обсуждения в узком дружеском кругу тоже не удовлетворяли его. Он считал своим долгом высказаться публично и располагал возможностью сделать это — в его руках было перо, к его услугам — страницы «Полярной звезды».

Один из первых русских критиков, Бестужев был создателем жанра критического обзора, который два десяти-

тилетия спустя с таким блеском развил Белинский. «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 года» — этой статьей Бестужева открывался том «Полярной звезды», вышедший в свет летом 1825 года. Отрывки из «Горя от ума», напечатанные в «Русской Галии», были поводом, которым Бестужев воспользовался, чтобы охарактеризовать комедию в целом и дать читателям понять, что полный текст ее распространяется в рукописях: «...рукописная комедия г. Грибоедова «Горе от ума» — феномен, какого не видели мы от времен «Недоросля», — писал критик. — Толпа характеров, обрисованных смело и резко, живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез». Нарушение канонов классической комедии, которое позволил себе Грибоедов, вызывает нарекания поклонников старого вкуса. «Но пусть они говорят, что им угодно: предрассудки рассеются, и будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных»¹⁷.

Этот отзыв не мог оставить читателя равнодушным. Те, кто еще не прочел комедию, бросились искать списки.

В декабристских кругах «Горе от ума» сразу же приобретает особое звучание. «Благородное негодование ко всему низкому» и «гордая смелость», поразившие Бестужева в Чацком, находят горячий отклик в среде членов тайного общества. Ведь ими владеют те же чувства: то же благородное негодование и гордая смелость побудили их стать на путь политической борьбы и принести в жертву своим идеалам свободу и даже жизнь.

Страстные монологи Чацкого глубоко созвучны настроениям молодых декабристов, а также всех, кто бли-

зок им по своим взглядам. Не случайно многие в ту пору считали, что Чацкий «списан» с определенных лиц, — прототипами героя комедии называли членов тайного общества Александра Бестужева и Александра Одоевского, И. Д. Якушкина и даже П. Я. Чаадаева, которому Пушкин адресовал свои знаменитые строки.

Теперь, когда нам доступны архивы современников Грибоедова, их письма и дневники, можно только поражаться, как близки взгляды многих из них тому, что думает и говорит Чацкий. Достаточно привести один пример.

Именно в то время, когда «Горе от ума» только начинало свое победное шествие по России, поэт П. А. Вяземский так объяснял одному из друзей свое нежелание вступать на государственную службу: «Клянусь тебе честью, что предложи мне теперь первое место в государстве.., то при нынешнем положении дел, которого не одобряю, отказался бы я от всего без малейшего усилия... Служить мне у нас в нашу пору было бы по мне — торговаться с совестью»¹⁸. О том же говорил «первый декабрист» В. Ф. Раевский, объясняя свой отказ от военной службы: «Железные когти Аракчеева сделались уже чувствительны, — вспоминал он. — Требовалось не службы благородной, а холопской подчиненности. Я вышел в отставку»¹⁹. В глазах декабристов служба означала служение отечеству. Рылеев говорил: «Я служил отечеству, когда оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать ее, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластья»²⁰. Он отказался от блестящей военной карьеры, променяв ее на скромное место судьи в Петербургской уголовной палате, где, как казалось ему, он может быть полезен своим согражданам.

Так же поступил и другой декабрист — друг Пушкина И. И. Пущин.

Кажется, что Грибоедов подслушал мысли своих молодых соотечественников, сжав их в краткую, полную горькой иронии реплику Чацкого: «Служить бы рад — прислуживаться тошно».

Эта реплика, лаконично и предельно точно выражавшая взгляды прогрессивной молодежи на сущность бюрократической системы русской империи, была подхвачена современниками, превратилась в поговорку, и никакие запреты уже не в силах были лишить ее жизни.

Не будем приводить других примеров того, как злободневно, политически остро звучала почти каждая строка комедии, как поражал читателя каждый ее образ удивительной верностью жизни и глубиной обобщений. А сам Чацкий, страстный обличитель мира Фамусовых и Скалозубов, многих заставил впервые задуматься над проблемами общественной и политической жизни современной России. Не случайно через год, на следствии по делу декабристов, в ответ на вопрос: «какие сочинения наиболее способствовали развитию... либеральных идей» и впоследствии, в воспоминаниях современников, рядом с именами Пушкина и Рылеева прозвучит также название комедии Грибоедова²¹.

«Развития либеральных идей» больше всего опасалось правительство, поэтому оно запретило «Горе от ума». К «развитию либеральных идей» больше всего стремились члены тайного общества, поэтому они поставили себе целью распространение списков комедии.

Мысль о распространении «Горя от ума» — результат продуманной системы политической борьбы, которую разработали декабристы. Важнейшая роль в этой системе отводилась созданию общественного мнения, способного противостоять правительству. «Общее мнение не батальон — ему не скажешь «мирно!»», — эти слова часто повторялись в то время в декабристских кругах.

Декабрист И. Д. Якушкин очень точно определяет задачу, которую ставили перед собой члены тайного общества: «Для того чтобы противодействовать всему злу, тяготившему над Россией, необходимо было прежде всего противодействовать староверству закоснелого дворянства и иметь возможность действовать на мнение молодежи»²².

«Горе от ума» блестяще отвечало этим задачам — комедия была не только ударом по «закоснелому дворянству», она оказывала именно то влияние на «мнение молодежи», к которому стремились декабристы.

Руководители тайного общества хорошо знали, как бесконечно велика сила воздействия искусства, какие колоссальные возможности пробуждения душевных сил и воли к борьбе таит в себе создание поэтического гения. Вот почему декабристы сочли своим долгом распространять списки «Горе от ума».

Весной 1825 года было решено «воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова...» — вспоминает декабрист Д. И. Завалишин. Однако для этого необходимо заготовить достаточное количество списков. Положили собираться по вечерам, «чтобы в несколько рук списывать комедию под диктовку»²³.

Местом сборов избрана квартира молодого поэта Александра Ивановича Одоевского. Друг Грибоедова и Рылеева, А. Одоевский лишь недавно вступил в члены тайного общества, однако к этому времени дом его стал одним из самых оживленных центров организации.

Здесь, в кипящем котле страстей, настроений и мнений будущих декабристов, проводит зиму близкий друг хозяйина — автор «Горя от ума».

Грибоедов очень любил Одоевского, называл его своим «питомцем», «кротким, умным и прекрасным Алек-

сандром». Острый ум в сочетании с удивительной душевной мягкостью и сердечностью, незаурядное поэтическое дарование, страстная жажда действия и готовность принести себя в жертву ради осуществления своих вольнолюбивых мечтаний — все привлекало в нем Грибоедова.

«Его пылающая душа кажется огненным лучом; отделившись от солнца», — эта поэтическая характеристика, написанная неизвестной рукой на обороте портрета Одоевского, удивительно отвечает образу человека, оставившего светлый след в душе каждого, кто встречался с ним. «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной», — вспоминал впоследствии его родственник, писатель Владимир Одоевский²⁴.

«По милости разборчивой совести» никогда не довольный своими литературными опытами, томясь на военной службе, Одоевский горько сетовал брату незадолго до вступления в тайное общество, определившего его судьбу: «Называй меня полоумным, сумасшедшим: я не буду оправдываться, не буду отдавать тебе отчета ни в чувствованиях, ни в мыслях, ибо только хладнокровный человек может следовать за связью мыслей своих. Я упустил из рук нить Ариадны и бродил в лабиринте: это худо, весьма худо, признаюсь в том откровенно, но ум может ли быть в вечном согласии с сердцем?»²⁵.

Это письмо датировано 1821 годом, но разве не о тех же думах преддекабристской молодежи расскажет Грибоедов в своей комедии, разве не повторит Чацкий слов Одоевского — «Ум с сердцем не в ладу»?

Пылкий нрав Александра Одоевского, забывавшего всякую осторожность и благоразумие там, где дело касалось его убеждений, был хорошо известен многим. Не случайно его называли в числе прототипов Чацкого.

Таков был человек, дом которого превратился в своеобразный «центр» по изготовлению списков «Горя от

ума». Списки, сделанные в квартире Одоевского, отличались исключительной точностью, потому что писали их «под общую диктовку с подлинной рукописи Грибоедова, даже с теми изменениями, которые он делал лично сам, когда ему сообщали, по его же собственной просьбе, некоторые замечания...»²⁶.

Одним из тех, кому поручено было распространять списки за пределами столицы, оказался декабрист Дмитрий Иванович Завалишин. Отправляясь в отпуск, он везет свой экземпляр комедии в Москву и Казань. «Я имею основание думать, — вспоминает Завалишин, — что если и другой кто привозил в Москву рукописи «Горя от ума», то мой экземпляр был из всех привезенных туда самый полный и самый исправный». События подтверждают это мнение Завалишина.

Приехав в Москву и остановившись в семье Ивана Николаевича Тютчева, он рассказывает там о привезенном списке «Горя от ума». Сыновья Тютчева — поэт Федор Иванович и его брат Николай — «немедленно овладели» им и как только убедились, что экземпляр Завалишина «есть самый лучший из известных тогда в Москве, из которых многие были наполнены самыми грубыми ошибками и представляли сверх того значительные пропуски, его стали читать публично в разных местах»²⁷.

Причиной грубых искажений в московских списках «Горя от ума», о которых говорит Завалишин, была, как ни странно это звучит, именно исключительная популярность, которой пользовалась комедия Грибоедова среди москвичей. Ее «в ту пору в Москве списывали нарасхват, — вспоминает один из современников, — поручали эту работу малограмотным писцам, почему в копиях было такое количество нелепейших ошибок»²⁸. Привезенный Завалишиным список шел непосредственно от автор-

ской рукописи и был свободен от множества ошибок, которыми пестрели списки москвичей. Свободен от искажений был и список, доставленный вскоре в Москву А. А. Бестужевым.

Естественно, что оба эти списка вызывали огромный интерес, читались и переписывались действительно нарасхват. Так, благодаря инициативе членов тайного общества Москва получила полный и точный текст «Горя от ума».

Но не только в Москве распространялась комедия Грибоедова. С удивительной быстротой разошлась она по всей России. Из свидетельств современников мы знаем, что уже в 1825 году «Горе от ума» читают и в костромском захолустье, и в студенческом Дерпте, и в далеком Поволжье. «Молодежь читала эти копии с восторгом и заучивала наизусть целые стихи», — свидетельствует анонимный мемуарист²⁹.

О том, как действенно было влияние «Горя от ума» и насколько дальновидны были члены тайного общества, считая своим долгом распространение списков, можно судить по словам известного поэта Николая Михайловича Языкова: «Вы, верно, уже получили... комедию Грибоедова «Горе от ума»; напиши, как она подействовала на бездейственные умы в Симбирске? — писал он сестре из Дерпта 27 августа 1825 года. — Это произведение, делающее честь нашему времени и уму русскому... учись смотреть на свет глазами Грибоедова: тогда только ты увидишь его, как он есть»³⁰.

Один из первых списков «Горя от ума», сделанных в декабристских кругах, был отправлен в «дальний северный уезд» — туда, где томился в ссылке Пушкин. 12 января 1825 года А. А. Бестужев писал П. А. Вяземскому о Грибоедове: «Его комедия сводит здесь всех с ума — и по достоинству». — И тут же сообщил: «Пуштин едет к

Пушкину»³¹. Действительно, в январе 1825 года член тайного общества, лицейский друг Пушкина, Иван Иванович Пущин отправился в Михайловское, чтобы навестить ссыльного поэта. И не случайно в письме Бестужева рядом с сообщением об успехе «Горя от ума» упоминается об этой поездке. Пущин вез с собой в Михайловское список комедии, и Бестужев, конечно, знал об этом. Мнение Пушкина не могло быть ему безразлично, он ждал его отзыва.

Через несколько дней Пушкин сообщает Бестужеву о своих впечатлениях. Он критикует план комедии и характер Чацкого, однако заканчивает письмо знаменательным признанием: «Слушая его комедию, я не критиковал, а наслаждался». И здесь же предсказывает: «О стихах я не говорю: половина — должны войти в поговорку»³². Сосланному Пушкину, конечно, не было известно, что его предвиденье уже стало действительностью. Декабрист Александр Беляев вспоминает, что едва списки комедии стали «ходить по рукам», как в разговорах зазвучали строки из «Горя от ума» и «наизусть повторялись его едкие насмешки»³³.

О том, как списки комедии Грибоедова распространились с севера на юг, вспоминает декабрист Александр Семенович Гангеблов. Приехав осенью 1825 года на службу в Эривань, он устраивает там чтения «Горя от ума» по копии, снятой еще в Петербурге.

Особым успехом пользовалась комедия в Тифлисе, где Грибоедов был хорошо известен. Он приехал в этот город в сентябре 1826 года и провел там несколько месяцев. За это время списки «Горя от ума» широко распространились. О судьбе одного из них рассказал впоследствии генерал А. П. Опочинин, в то время еще совсем юный кавказский офицер:

«...в 1826 году я приехал на службу в Грузию прямо

из кадетского корпуса. А. С. Грибоедов был тогда в Тифлисе. Молва о «Горе от ума» и о том, что эта комедия окончена автором, превратилась в это время в несомненную истину. Вскоре стали появляться в обществе, у знакомых с автором лиц списки целой комедии. В батарею, куда я поступил, служил в то время штабс-капитан Рюмин, приятельски знакомый с Грибоедовым. В одно из моих посещений Рюмина я увидел у него на столе тетрадку из грубой синей бумаги с заголовком на оберточном листе: «Горе от ума, комедия А. С. Грибоедова».

Я попросил у хозяина позволения взять тетрадку к себе для прочтения. Трудно описать чувство напряженного и все более и более усиливающегося внимания, возбужденного во мне чтением комедии... Я прочитал всю тетрадку два раза сряду и уже много знал наизусть, благодаря хорошей памяти... Везде, где было возможно, я декламировал монологи из «Горя от ума», восторгаясь ими.

Рюмин... видя во мне такого яркого почитателя этой комедии, подарил мне во время походов наших по Персии вышеупомянутую рукопись комедии, объяснив, что списывал ее он сам, а поправки сделаны рукою Грибоедова.

В конце 1840 года я должен был совсем перебраться из Закавказья... Часть своего багажа я должен был оставить в Самисе. В числе оставленных вещей был сундук с книгами, а в нем и роковая тетрадка... Все оставленные вещи с постом исчезли бесследно, несмотря на самые тщательные розыски... Но утешением осталось то, что всю комедию по этой самой тетрадке я выучил с самого начала наизусть». Эти воспоминания хранятся в Институте русской литературы в Ленинграде.

На Кавказе «Горе от ума» становится не менее популярно, чем в Петербурге. А вскоре здесь удается сделать

то, что оказалось невозможно в столице: «Горе от ума» впервые появилось на сцене—в любительских спектаклях, поставленных молодыми офицерами Кавказского корпуса и чиновниками в Тифлисе и Эривани. Рассказывали, что на этих представлениях присутствовал сам автор.

Память об одном из спектаклей донес до наших дней список комедии, на заглавном листе которого помечено: «Списано с манускрипта, просмотренного самим автором в 1828 году в Эривани, где эта пьеса сыграна 25 декабря 1828 года чиновниками местного управления».

..он головой бьет в каменную стену общественных предрассудков и пробует, крепки ли казенные решетки. Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверно не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом...

А. И. Герцен

Мы видели, как много сделали декабристы для распространения комедии Грибоедова, знаем, что их руками было выполнено немало списков «Горя от ума». Естественно, возникает вопрос — дошли ли эти списки до наших дней.

Ответить на него можно лишь представив себе настроения общества после 14 декабря. Начались аресты участников восстания, каждый арест сопровождался изъятием всех бумаг и документов «государственных преступников». И сразу же в десятках печей и каминов запылали письма, дневники, протоколы заседаний и многие другие документы. Жгли бумаги сами участники восстания, их родственники, друзья, знакомые. Такие костры пылали в Москве, Петербурге, Киеве, на Кавказе, в имениях декабристов — всюду, по всей стране тца-

тельно уничтожались следы дружбы, связи, просто знакомства с декабристами. Это массовое истребление часто было вызвано не только страхом, но и желанием спасти друзей, предотвратить новый арест. Вместе с компрометирующими документами члены тайного общества уничтожали политические стихи Пушкина, ходившие по рукам, бросали в огонь и списки «Горя от ума». Это делалось для того, чтобы не навлечь опасность на двух величайших поэтов России. А те списки, которые не были уничтожены самими декабристами, были конфискованы при обысках и судьба их остается неизвестной. В результате лишь об одном из многочисленных списков «Горя от ума», которые дошли до нашего времени (а их насчитывается несколько сот), мы можем с уверенностью сказать, что он сделан членом тайного общества. Этот список имеет свою, совсем особую судьбу.

В Москве, в Государственном литературном музее хранится большая тетрадь в твердом картонном переплете, обтянутая старинным шелком. Откроем ее. Бумага бледно-голубого цвета, выцветшие чернила. А в самом начале рукопись украшает выполненный карандашом большой портрет Грибоедова. Автор комедии изображен в профиль (так, между прочим, рисует его на полях своих черновики Пушкин); внизу, под портретом, свиток нот и на нем — очки Грибоедова. Справа монограмма художника — Модеста Дмитриевича Резвова («MR») и дата — 1825 год.

Теперь установлено, что Грибоедов и Резвов принадлежали к одному и тому же кругу общества, посещали одни и те же дома, в 1825 году могли не раз встречаться. К тому же у них оказались общие интересы. Известно, что Грибоедов был талантливым композитором, — его вальсы и теперь нередко исполняют в концертах. Резвов — военный и общественный деятель николаевского

Список «Горя от ума», сделанный А. И. Черкасовым.
Рисунок М. Д. Резвова и посвящение С. П. Дарауер

времени — был известен в петербургских кругах как глубокий знаток музыки, талантливый сочинитель и художник-любитель. Видимо, этой общностью музыкальных интересов художника и поэта объясняется изображенный под портретом нотный свиток. Но вернемся к списку.

На первом листе, над заглавием комедии, сохранилась дарственная надпись:

«Милостивой государыне Софье Павловне Дарауер сия комедия в вечное и потомственное владение от начавшего копировать ее.

Апреля 30 дня 1825 г. С. П. бург, вечер 9 часов...»

И ниже — подпись. Однако разобрать ее невозможно — так тщательно она зачеркнута и замазана чернилами.

Понятно, что перед исследователями встали вопросы — чье же имя столь усердно старались уничтожить и почему.

Современная техника позволила ответить на первый вопрос — специалисты криминалистической лаборатории сумели прочесть зачеркнутую подпись. Оказалось, что список делал и подарил Софье Павловне Дарауер декабрист Алексей Иванович Черкасов, член Северного и Южного обществ. Черкасов разделил судьбу своих товарищей по заговору: арест, Нерчинские рудники, потом поселение в Сибири, а дальше — участь рядового солдата Тенгинского полка на Кавказе и, наконец, смерть в изгнании. До самых последних дней Черкасов состоял под строгим надзором полиции и умер, не дождавшись амнистии.

Теперь становится понятно, почему его подпись была уничтожена и список комедии, когда-то подаренный им Софье Павловне Дарауер, долгие годы оставался безымянным. Лишь когда удалось разобрать имя, скрытое под жирной черной чертой, когда сличили почерк рукописи и дарственной надписи с другими автографами Черкасова, была раскрыта загадка этого списка.

Так был выяснен переписчик и первый владелец одного из тех списков, которые в 1825 году делали члены тайного общества.

Грибоедов сделал свое дело — он уже написал «Горе от ума».

А. С. Пушкин

Шли годы. Жизнь Грибоедова в это время полна значительных событий и неожиданных перемен. Лето 1825 года проходит в поездке по югу России, осень застает его на Кавказе, в штабе генерала А. П. Ермолова: после двухлетнего перерыва он снова приступает к прежним обязанностям чиновника «по дипломатической части» при главнокомандующем Кавказской армией. А 22 января 1826 года Ермолов получает высочайший приказ об аресте Грибоедова по подозрению в причастии к тайному обществу и заговору декабристов. Это не удивительно. Арестованы все его ближайшие друзья — А. И. Одоевский, А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, В. Оболенский — все участники восстания 14 декабря. Арестованы многие его знакомые, и среди них — ведущие деятели тайного общества — К. Ф. Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, С. П. Трубецкой. Арестованы также и те, кто полгода назад переписывал на квартире Одоевского комедию Грибоедова и так усердно способствовал ее распространению.

При обыске в чемодане Грибоедова находят толстую тетрадь — рукопись «Горя от ума». Тетрадь была изъята и с тех пор бесследно исчезла. Так погиб автограф последней редакции комедии. Сохранились лишь ее списки с авторской правкой Грибоедова: «Жандровская рукопись», с которой читатель уже знаком, и так называемая «Булгаринская рукопись», но о ней речь пойдет ниже.

Специальный фельдъегерь привозит Грибоедова в Петербург. Четыре месяца длится арест и следствие, но улик слишком мало. Грибоедов не был членом тайного общества, а те, кто мог дать компрометирующие его показания, молчали...

2 июня 1826 года он был освобожден.

И снова его ждут перемены: возвращение на Кавказ, война с Персией, участие в военных походах и, наконец, исключительной важности дипломатическая миссия. 10 февраля 1828 года при ближайшем участии Грибоедова подписан Туркманчайский мирный договор, завершивший русско-персидскую войну. 14 марта Грибоедов доставляет в Петербург текст этого договора, заключенного на чрезвычайно выгодных для России условиях.

Теперь к славе драматурга прибавляется репутация блестящего дипломата и многообещающего государственного деятеля.

Однако в то время, как в судьбе автора «Горя от ума» происходят все эти перемены, судьба его комедии остается прежней — ни в печать, ни на сцену ей нет доступа так же, как и четыре года назад.

Мы не знаем, пытался ли Грибоедов в свой последний приезд в Петербург весной 1828 года преодолеть запрет, наложенный на его комедию. Вероятно, у него просто не было времени для этого.

Пребывание в столице оказалось слишком кратким и полным служебных забот: 15 апреля он получил назначение на пост министра-резидента, т. е. посланника, в Персии — пост чрезвычайно ответственный и вместе с тем опасный в сложившейся политической обстановке.

Подготовка к предстоящей миссии занимает почти все его время. И тем не менее Грибоедов снова возвращается к работе над «Горем от ума». Свидетельство этого — авторская правка на списке комедии, принадлежавшем самому Грибоедову. Накануне отъезда он передал этот список Ф. В. Булгарину. На титульном листе появляется многозначительная надпись:

«Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов. 5 июня 1828».

Другими словами, Булгарину поручалась отныне забота о продвижении «Горя от ума» в печать.

Рукопись долгие годы находилась в семье Булгарина, одетая в нарядный переплет, украшенный портретом Грибоедова работы художника Робильяра. Ныне она хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. «Булгаринский список», как называют ее исследователи, служит теперь самым авторитетным источником подлинного текста «Горя от ума», поскольку в нем содержится последняя правка, сделанная рукой поэта.

Что побудило Грибоедова оставить свою рукопись Булгарину? Сейчас это трудно решить. Известно лишь одно: уезжая в Персию, Грибоедов не надеялся на скорое возвращение. «Прощаюсь на три года, на десять лет, может быть, навсегда,— писал он.— Боже мой! Неужто должен я буду всю мою жизнь провести там, в стране, столь чуждой моим чувствам, мыслям моим...»³⁴ Более того, он знал, что миссия, возложенная на него, опасна, и может быть, ему не суждено возвратиться. Понятно, что в этих обстоятельствах Грибоедов хотел оставить свою рукопись человеку, который сможет о ней позаботиться, когда придет время. Конечно, он помнил, что до сих пор только один Булгарин сумел хотя бы в отрывках напечатать комедию. Вероятно, и теперь Грибоедов поручил ему свое «Горе», надеясь, что рано или поздно Булгарин сумеет опубликовать его полностью.

5 июня 1828 года было последним днем пребывания Грибоедова в столице. Больше в Петербург он уже не вернулся. Дипломатическая миссия, возложенная на него, оказалась роковой — 30 января 1829 года Грибоедов был убит в Тегеране. Полушутливая надпись, сделанная в прощальный вечер, превратилась в завещание.

Ни одно драматическое произведение... не сделалось столько народным, несмотря на то, что до сих пор не напечатано, как «Горе от ума».

*«Северная пчела», 30 ноября
1831 года*

Более двух лет выжидал Булгарин, не решаясь обратиться за получением права напечатать «Горе от ума». Однако тем временем оказалось возможно другое — комедия Грибоедова была поставлена на столичной сцене.

Сделать это удалось далеко не сразу.

Первая попытка поставить «Горе от ума» была предпринята еще весной 1825 года, вскоре после того, как отрывки из комедии появились на страницах «Русской Талии». Разыграть «запрещенный плод» Грибоедова на своей школьной сцене решили воспитанники Петербургского театрального училища.

Согласие автора было получено быстро. Возражал только инспектор училища Иван Самойлович Бок. Он не хотел допустить к участию в спектакле воспитанниц — слишком двусмысленными казались ему роли Софьи и Лизы.

Наконец инспектор все же согласился. Ученики с увлечением взялись за работу. Не прошло и недели, как уже были выучены все роли. Начали репетировать. «Сам Грибоедов приезжал к нам на репетиции и очень усердно учил нас, — вспоминает известный комический актер Петр Андреевич Каратыгин, игравший в этом спектакле Репетилова — одну из первых своих ролей. — Надо было видеть, с каким простодушным удовольствием он потирал себе руки, видя свое «Горе от ума» на нашем ребяческом театре...»³⁵.

Настал день представления. «Нынешний вечер играют в школе, приватно, без дозволенья цензуры, мою ко-

медию, — писал Грибоедов Бегичеву 18 мая 1825 года, — ...часов в девять явлюсь посмотреть на мое чадо...»³⁶. Он не знал еще, что накануне на последнюю репетицию явился перепуганный инспектор и сообщил грозное распоряжение графа Милорадовича, военного генерал-губернатора Петербурга, в ведении которого находились и театры. Узнав о предстоящем спектакле, военный губернатор запретил его, предупредив начальство и воспитанников училища, чтобы они «не смели так либеральничать и что пьесу, не одобренную цензурой, нельзя позволить играть в театральном училище»³⁷.

Спектакль не состоялся.

И вот теперь, почти пять лет спустя, стихи Грибоедова впервые зазвучали со сцены Петербурга. 2 декабря 1829 года в Петербургском Большом театре был сыгран отрывок из первого действия в качестве «интермедии» между двумя актами основного спектакля — ничего предосудительного в этой сцене не обнаружили, к тому же в свое время она была напечатана в «Русской Талии». Через два месяца, 5 февраля 1830 года, в том же театре был впервые поставлен третий акт «Горя от ума». Это снова не встретило возражений, поскольку этот акт также был напечатан на страницах «Русской Талии». Условие было одно — неукоснительно следовать тем изменениям, которые некогда внес в текст альманаха цензор.

Теперь прецедент был создан. Ведь если можно поставить на сцене один отрывок из запрещенной комедии, то почему не поставить и другой? В самом деле, прошло еще несколько месяцев, и 16 июня к третьему акту был добавлен четвертый. 9 октября к ним присоединилась та сцена из первого акта, с которой началось проникновение «Горя от ума» на сцену. И когда в январе 1831 года известный актер Я. Г. Брянский подал просьбу о разреше-

нии поставить в свой бенефис «Горе от ума» полностью, это не встретило препятствий, поскольку половина комедии уже ставилась в театре.

26 января 1831 года спектакль был сыгран. Ровно через два года после трагической гибели Грибоедова русский зритель впервые увидел на сцене его прославленную комедию.

Однако не надо думать, что театральная цензура николаевской России была чрезмерно либеральна, разрешив поставить «Горе от ума». Текст комедии подвергся самым безжалостным искажениям — все, что отзывалось «либеральными идеями», было полностью уничтожено. Список «Горя от ума» с исправлениями в тексте сохранился в дирекции Петербургского Большого театра. Позднее этот список сыграет свою роль, когда будет решаться судьба первого издания «Горя от ума».

Интерес зрителей к спектаклю был необычайно велик. «Все места всегда бывают заняты и уже в 2 часа накануне представления нельзя достать билета», — записывает в своем дневнике современник событий А. В. Никитенко. О том, что пьеса сильно искажена, все хорошо знали, и все же разочарование, постигшее зрителей, было очень острым. Побывав на одном из первых спектаклей, Никитенко с горькой иронией пишет: «...в этой пьесе осталось одно только горе: столь искажена она роковым ножом бенкендорфской литературной управы»³⁸.

И все же спектакль пользовался огромным успехом, долгое время он шел ежедневно при полных сборах. Через год после премьеры публика в театре была столь же многочисленна, как и в первый день. «Толпа в театре при представлении сей пьесы не оставляет места, где упасть яблоку», — сообщал один из зрителей 23 января 1832 года³⁹.

«Многие не пропускают ни одного представления, —

писала газета «Северная пчела». — Вообще можно сказать, что ни одно драматическое произведение, включая сюда и «Недоросля», не выдержало у нас столько представлений, не сделалось столько народным, несмотря на то, что до сих пор не напечатано, как «Горе от ума»⁴⁰.

Казалось, широкая известность, которую приобрела комедия Грибоедова, делала бессмысленным запрет печатать ее. Можно бы подумать, что настало время возобновить попытку добиться разрешения и на издание.

В феврале 1831 года, сразу же после премьеры, Булгарин начал хлопотать об издании комедии. С этого дня для «Горя от ума» начинается новый круг мытарств.

Создается целое дело по поводу прошения Булгарина. Документ этот настолько выразителен, что мы позволим себе привести из него ряд выдержек.

Рассмотреть прошение поручено цензору О. И. Сенковскому. Писатель, журналист, ученый-востоковед, в прошлом знакомый Грибоедова, Сенковский считает целесообразным напечатать «Горе от ума», не подвергая его никаким изъятиям. Однако он не решается воспользоваться своим правом и взять на себя всю ответственность. В своем докладе Сенковский доказывает, что «комедия сия писана с благонамеренною целию и может быть напечатана вполне без всяких перемен и исключений»⁴¹.

Прежде всего, утверждает Сенковский, издание «Горя от ума», подвергнутое изъятиям, лишено всякого смысла «в сравнении с таким необыкновенным множеством списков, ежедневно умножающихся и покупаемых за весьма дешевую цену». Более того, оно может принести только вред, так как неизбежно повысит интерес к этим нелегальным спискам: «...коль скоро сделается известным, что печатное издание не полно и очищено цензурою, то сей род официального преследования в отношении к

любимому от публики сочинению сообщит только новую важность рукописным экземплярам оного; рукописные же книги гораздо опаснее, нежели печатные...»

Далее Сенковский выдвигает довод: общественное мнение настроено резко враждебно в отношении проводимой политики, нужно использовать возможность склонить его на свою сторону. По мысли Сенковского, полное издание «Горя от ума» было бы даже средством к примирению цензуры с общим мнением, чем «ни в каком случае пренебрегать не следует для пользы самого учреждения».

И, наконец, вновь ссылаясь на известность «Горя от ума», Сенковский утверждает, что никакие изъятия не скроют от публики острые места комедии, а будут лишь способствовать их популярности: «Нет почти ни одного сколько-нибудь образованного человека из русских, который бы не читал в рукописи и не знал наизусть всех примечательных мест «Горе от ума». Многие даже стихи, и именно те, кои при слишком строгой цензуре могли бы подлежать исключению, превратились в апофегмы или пословицы. Итак, исключить оные теперь из печатного издания значило бы только обратить на них излишнее внимание публики и подать повод к неуместным толкам...» Для большей убедительности Сенковский прилагает предисловие к будущему изданию комедии, цель которого — дать ей «направление совершенно благонамеренное, показывая, в каком духе должно читать произведение остроумного пера Грибоедова и как следует понимать рассуждения разных действующих лиц».

Казалось бы, доводы Сенковского достаточно убедительны: даже с точки зрения интересов правящих кругов запрещать широко известную комедию, которую половина читающей России знает наизусть, не только бессмысленно, но и вредно.

Однако дело затягивалось. Рассмотрение его не дало результатов. Наконец спустя полгода, в октябре 1831 года, было принято соломоново решение — передать все на усмотрение III Отделения собственной его императорского величества канцелярии. Однако Булгарин тщетно ждал решения еще полгода — из этой инстанции так и не последовало никакого ответа. Не был он получен и позднее. От мысли напечатать «Горе от ума» вновь пришлось отказаться.

В том же году, когда дело об издании «Горя от ума» скиталось по официальным инстанциям, в далеком провинциальном городе возникло другое «дело», связанное с комедией Грибоедова.

23 сентября 1831 года старший землемер пермской межевой конторы Мельников и его сослуживцы случайно обнаружили на столе в чертежной два листа со стихами, написанными рукой служащего конторы землемеров Кудрявцева. «Смысл сочиненных им стихов» весьма встревожил начальство. Оно усмотрело в них «пасквиль», написанный «в законопротивном духе». Началось расследование, возникло целое дело, в котором полностью приводились найденные стихи.

Вот они:

Ф а м у с о в

Ну, вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

И дальше следует блестящий искрометный разговор между гостями Фамусова с упреками княгини Тугоухов-

ской в адрес Педагогического института, репликами Скалозуба и знаменитым предложением хозяина дома:

Нет, уж коли зло пресечь:
Собрать все книги бы, да сжечь.

Не пропущена и реплика Загорецкого:

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был цензором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни — смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а все-таки цари.

Надо же было случиться такому совпадению, что «первым членом присутствия» в пермской конторе оказался бывший студент Педагогического института. Он принял на свой счет замечания «наименованной княгини Тугоуховской».

Пермскому землемеру приписали стихи Грибоедова, обвинив его в попытке внушить своим сослуживцам вольнодумные мысли. Его подвергли допросу и спрашивали совершенно серьезно, в каком смысле определяет он, что «ученье есть чума» и по какой причине считает, что нынче «пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений»? Должен был он отвечать на вопрос, «почему он себе дозволил, вопреки мудрому распоряжению правительства», «...уверять, якобы и впрямь с ума сойдешь от этих от одних пансионеров, школ и лицеев»? И, наконец, ему предлагалось объяснить, «какое он разумеет зло, для пресечения коего потребно забрать все книги бы да сжечь».

Дело тянулось два года, несмотря на объяснение Кудрявцева, что он всего лишь переписал отдельные сцены известной комедии Грибоедова.

Курьезная история, разыгравшаяся в глухой провинции, — лишнее свидетельство того, как задолго до появления в печати комедия разошлась по всей России.

Немало списков «Горя от ума», сделанных в те годы, дошло до наших дней.

В музеях и библиотеках страны хранятся эти тетради, тщательно переписанные, одни — в скромных бумажных обложках, другие — одетые в кожаные или шелковые переплеты. Каждый со своей судьбой. Одни безымянные, неизвестно кем и где выполненные, другие сохранили имена владельцев, имеют свою историю, нередко сложную, как это было со списком Черкасова.

По точности соответствия подлинному тексту, по качеству выполнения все эти списки чрезвычайно различны. Есть среди них такие, где нет ни одного отступления от «Жандровской рукописи», с которой делались самые первые списки. В других же, наоборот, встречается масса ошибок, пропусков, искажений и даже домыслов — это те, что переписывались с третьей, четвертой, а иногда и с десятой или двадцатой копии. Конечно, в таких случаях ошибки были неизбежны.

Одни списки сделаны опытными переписчиками по заказу — они написаны четко, читать их легко. Другие переписывались самими владельцами — в этих случаях неразборчивый почерк и помарки часто мешают чтению. Встречаются списки, выполненные разными почерками, — их переписывали сообща целые группы людей, желавшие получить текст «Горя от ума». Нередко орфографические ошибки и неуверенный почерк выдают людей, не слишком хорошо владеющих грамотой, — это свидетельствует о том, что комедия Грибоедова проникала в самые различные социальные слои.

На некоторых списках имя автора заменено инициалами «А. Г.», иные совсем безымянны. Иногда это сви-

детельство неосведомленности переписчиков — комедия Грибоедова читалась повсюду и в то же время имя его не всем было известно. Но чаще отсутствие имени на обложках списков говорит об осторожности, о нежелании скомпрометировать автора нелегальным распространением запрещенного труда.

На многих рукописях встречается эпиграф:

Судьба, проказница-шалунья,
Определила так сама:
Всем глупым — счастье от безумья,
Всем умным — горе от ума.

Кто автор этих стихов, неизвестно, но современники приписывали их самому Грибоедову, и среди читателей комедии они были очень популярны.

Другие списки — их, правда, очень мало — тоже имеют эпиграф. На сей раз это действительно стихи Грибоедова:

— По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
— За то попался в Главный штаб
И был притянут к Иисусу!..

Это ироническое четверостишие было сочинено в те дни, когда Грибоедов, арестованный по делу декабристов, был заключен на гауптвахте Главного штаба. Оно очень точно выражает не только его общественную позицию, но и неизбежность печальных последствий для каждого, кто разделял подобные взгляды.

Взятые в качестве эпиграфа к «Горю от ума», эти стихи говорят о многом — о свободолобивых настроениях владельца списка, о его сочувствии судьбе Грибоедова и декабристов, а также о том, как чутко восприни-

мал он связь «Горя от ума» с освободительными идеями века. Хотя мы и не знаем людей, которым принадлежали списки с подобными эпитафиями, можно с уверенностью сказать, что им были созвучны вольнолюбивые порывы декабристов и что они находили в себе смелость не скрывать этого.

О подобных же настроениях своего владельца свидетельствует рукопись, хранящаяся в Литературном музее в Москве. Это список, сделанный опытным специалистом-переписчиком, очевидно по заказу. Каждая буква четко выведена, читать список легко и приятно. А на первой его странице выписана, в виде предисловия, характеристика «Горя от ума» из статьи Бестужева в «Полярной звезде». К сожалению, на рукописи не обозначено имя владельца, который подвергался известному риску, сохраняя тетрадь с выписками из произведения осужденного декабриста.

Большинство списков безмянно, они упорно хранят молчание о людях, которые некогда с такой любовью и терпением трудились над ними. Но некоторые рукописи все же могут кое-что рассказать о тех, кому они принадлежали, и о своей собственной судьбе.

Заметки на полях, владельческие и дарственные надписи, размышления, записанные в конце, — все это нередко встречается на страницах дошедших до нашего времени списков и многое может открыть внимательному взгляду.

Вот скромная тетрадь в простом картонном переплете. «Писана рукою покойного отца моего, — гласит надпись на титульном листе, — и подарена мне в Москве 1834 года 28 июня в день моего рождения. А. Алехин». Отец дарит сыну список в день рождения — значит, для этой семьи комедия Грибоедова дороже самых ценных подарков.

«Комедия сия принадлежит Черноморского казачьего полка уряднику Ивану Герасимовичу Неякому, переписана в знак дружбы губернским секретарем Александром Четвериковым. В Ставрополе. Декабря 30 1828 года». Как видим, и эта рукопись — дар, на этот раз сделанный «в знак дружбы». Губернский секретарь Четвериков не напрасно трудился — в семье Ивана Неякого свято берегли список «Горя от ума» — он переходил от отца к сыну, от сына к внуку как величайшая драгоценность: «От деда полковника Ив. Неякого» — значится на форзаце. И ниже другим почерком: «В 1892 году перешла к внуку Ив. Т.». Надписи на списке Ивана Неякого говорят еще и о другом. Список сделан в Ставрополе, в 1828 году, губернским чиновником для офицера провинциального гарнизона. Значит, к тому времени «Горе от ума» проникло в глухие окраины России. «Иждивением чиновников 11 класса» города Орла сделан в 1828 году список «Горя от ума», хранящийся ныне в Орловском музее И. С. Тургенева. Одиннадцатый класс — один из последних в чиновничьей «табели о рангах».

О том же говорят и надписи на многих других списках. Комедию Грибоедова читали студенты, военные и помещики, высокопоставленные лица и мелкие чиновники, в столицах и провинции. Москва и Петербург, Иркутск и Эривань, Тифлис и Ярославль, Казань, Нижний Новгород, Симбирск, Кострома, Екатеринослав, Ставрополь, Орел — вот далеко не полный перечень тех городов, которые значатся на обложках списков «Горя от ума».

Иногда эти рукописи связаны с именами людей, сыгравших выдающуюся роль в жизни страны.

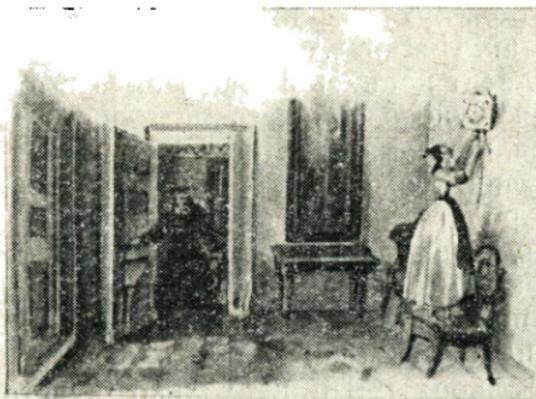
Таков список Литературного музея, выполненный в семье близких друзей Пушкина Ушаковых. Летом 1827 года, вернувшись из ссылки в Москву, Пушкин постоянно

бывал в их доме. Вероятно, он не раз листал эту тетрадь — ведь до возвращения «Горе от ума» побывало в его руках лишь однажды, в тот знаменательный день, когда в засыпанном снегами Михайловском посетил его Пушкин.

Судьба другого списка, принадлежащего Литературному музею, связана с совсем иными людьми и обстоятельствами. На одной из его страниц есть надпись: «Перфильев. Из библиотеки графа Ланского, моего прадеда». Очевидно, речь идет о том самом Ланском, министре внутренних дел, который когда-то первый наложил запрет на «Горе от ума».

А вот нарядная тетрадь, хранящаяся в Историческом музее в Москве. Она принадлежала министру народного просвещения графу Уварову. Мы увидим далее, что Уваров тоже был причастен к истории мытарств «Горя от ума», хотя придерживался в этом деле более либеральных позиций, нежели Лафской. Но так же, как и Ланской, он втайне восхищался комедией Грибоедова. Свидетельство этому — принадлежавший ему список, который превосходит все известные списки по изысканности оформления. Его украшают изящные иллюстрации, изображающие сцены из I, II и IV актов. Мы можем смело утверждать, что перед нами самые первые иллюстрации к «Горю от ума», сделанные, вероятно, еще при жизни Грибоедова. Впоследствии, в 1839 году, одна из этих иллюстраций украсила обложку издания комедии.

Не менее интересен, хотя совсем по-иному, список «Горя от ума», который принадлежит Центральному театральному музею в Москве. Он многое может рассказать о том, как близко принимали к сердцу злоключения Чацкого современники, чувствуя в судьбе комедии отзвуки собственных чувств и настроений. Для владельца этого списка комедия стала частью его существования.

Действіе первое

Явленіе 1.

Бостанная: во ней большой кабинет. Справа двери от спальни Софьи; отсюда слышно фортепьяно со старой тотою, которую потаево чиниляют. Мисанька среди комнаты сидеть, потосившись со кресель. Утро: чутя чутя флюккуют.

Мисанька: /зудит прескромная, встает

«Из библиотеки артиллерии поручика А. С. Чуносова. Москва, 1828, май. Подарена Александром Гавриловичем Ротчевым», — гласит надпись на последней странице этой рукописи. Имя Чуносова ничего не говорит читателю двадцатого века, не знали о нем и современники — артиллерийский поручик прожил жизнь незаметно, неведомый никому, кроме родственников и знакомых. Зато Ротчев, подаривший ему список «Горя от ума», был в те годы известным поэтом. На рубеже тридцатых годов прошлого века его стихи постоянно встречаются на страницах журналов и альманахов, светские дамы охотно переписывают их в свои альбомы. Но не только чувствительные строки о любви и длинные философские размышления в стихах выходили из-под его пера. Сын художника-разночинца, Ротчев в 1826—1827 годах учился в Московском университете, где среди студентов жили традиции декабристской поэзии, ходили по рукам списки запрещенных стихов, возникали революционные кружки. Он был другом Полежаева, разделял вольнолюбивые идеи декабристов, преклонялся перед их подвигом и сам писал стихи политического содержания, не предназначавшиеся для печати. В делах III Отделения собственной его императорского величества канцелярии сохранился присланный в 1826 году донос «О совместном написании студентом Полежаевым и Ротчевым вольных стихов» и отрывок из его стихотворения «На 14 декабря». О доносе было доложено императору, на что последовало высочайшее указание «подвергнуть Ротчева секретному надзору».

Надо полагать, что такой человек должен был дорожить списком комедии Грибоедова и мог расстаться с ним только ради близкого друга.

Заслужил ли Чуносов столь трогательную жертву? Об этом можно судить по его собственным записям, сделанным в конце списка.

«Стихи, написанные г. Чуносовым в одном благородном обществе в Казани августа 30, 1828 года, по прочтении сей единственной комедии», — так начинается эта запись.

Стихи поручика артиллерии весьма далеки от совершенства. Не будем приводить их полностью. Однако при всем косноязычии и наивности в них ясно чувствуется глубокое и искреннее восхищение созданием Грибоедова.

Более того. Оказывается, он сам чувствует себя в жизни Чацким и судьбу героя комедии сравнивает с собственной участью:

...все истина, что ум твой ни сказал.
Увы, я сам то испытал,
С тобою что свершилось!

И далее с горечью спрашивает:

За что не любят умных в свете,
А любят дураков?..
За что достоинства в презренье,
Богатым глупость в предпочтеньи?

К своим стихам Чуносов счел необходимым добавить прозаическое разъяснение: «Сии мысли в стихах, без рифм писанные, родились в голове моей, когда я вообразил себе, что как Чацкий в сей комедии, так автор сих стихов, написанных в горестных обстоятельствах жизни, страдал невинно от злонамеренных людей, его преследующих, и как тот искал оскорбленному чувству уголок, так и я бросился из Москвы в Симбирск, мою родину, в Казань — к родным...»

Вероятно, мы никогда не узнаем, в чем заключались «горестные обстоятельства», постигшие автора стихов. Да это и не имеет особенного значения. Важно другое — комедия Грибоедова глубоко вошла в его внутренний мир.

Некоему Александру Мазалину посылает из Петербурга в Екатеринослав список «Горя от ума» безымянный приятель с трогательной надписью:

Прими привет, мой Человек,
Друг просвещения! Друг свободы!

Отрадно, весело в глуши,
Среди бессмысленного круга,
Найти, кто б понял глубь души,
Кто б руку ожал певца, как друга.

«Друг свободы» с увлечением прочел присланную ему комедию, остро ощущая ее политическую злободневность. Отмечая в монологе Чацкого строку: «Прямой был век покорности и страха»,— он пишет на полях: «Правда». «Намек на правду» видит дальше в реплике Скалозуба:

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий:
Там будут лишь учить по нашему: раз-два,
А книги сохранят так, для больших okazji.

Но это не все. Видимо, Александр Мазалин поставил в Екатеринославе любительский спектакль: на полях списка действующих лиц стоят имена исполнителей, а в тексте повсюду разбросаны режиссерские пометы. Этот список также хранится в Центральном театральном музее.

В Ленинграде, в Государственной публичной библиотеке, есть любопытный список, испещренный множеством помет, по которым можно представить себе его судьбу.

Список сделан чрезвычайно тщательно — видно, что владелец не пожалел труда и фантазии. Обрезанная в восьмую долю листа (в ту пору это был излюбленный книжный формат), рукопись сброшюрована и переплетена так, что при первом взгляде кажется — перед вами настоящая книга, изданная в типографии. Но это не все,

Текст комедии тщательно выписан печатными буквами, имитирующими типографский шрифт, а заглавная страница копирует форму титульного листа, принятую в печатных изданиях. Не забыты и «выходные данные» — место и время «издания»: «Москва. Сент. 15-го 1825». Список очень точеч — ошибок и разночтений с полным текстом комедии в нем почти нет. Это позволяет сделать некоторые догадки о его происхождении. Вспомним, что незадолго до этого, весной 1825 года, декабрист Завалишин, а вслед за ним и Бестужев привезли в Москву свои рукописные экземпляры комедии, которые переписывались на квартире у Одоевского в присутствии автора; что до этого москвичи почти не имели точных списков; что списки Завалишина и Бестужева, свободные от искажений и небрежностей, в ту пору усердно переписывались в Москве. Вспомним все это, и тогда естественно возникнет предположение, что безымянная рукопись из Публичной библиотеки восходит к спискам, привезенным в Москву декабристами.

Однако эта рукопись не всегда была безымянной. На одной из первых страниц сохранились следы подписи владельца. Но разобрать ее невозможно — она вытерта самым тщательным образом. Почему? Быть может, новый хозяин рукописи не решился сохранить имя прежнего владельца, замешанного в деле 14 декабря?

А дальше еще одна надпись. На обороте титульного листа едва заметные строки: «Тегеран. 15 сентября 1829 года. На память от П. А. Каз...». И снова невозможно прочесть имя — на этот раз повинны выцветшие чернила.

Итак, из Москвы за границу, в далекий Тегеран, в тот город, где совсем недавно погиб автор комедии, — вот путь этого загадочного списка. Вероятно, его привез туда кто-нибудь из членов новой русской миссии, сменившей посольство Грибоедова.

О дальнейших судьбах рукописи говорит надпись, сделанная на самом последнем листе. Из Тегерана вновь в Россию, но теперь уже не в Москву, а в Сибирь совершил путешествие список «Горя от ума». Об этом свидетельствует надпись на обложке: «Сия книга принадлежит иркутскому мещанину Сергею Ивановичу Синицыну». Как попала рукопись из Тегерана в Иркутск? Об этом можно только гадать.

Одна из возможных догадок снова ведет к декабристам. В тридцатые годы прошлого века Иркутск был местом поселения многих из них. Живя в ссылке, они всеми силами стремились сохранить связь с жизнью страны, переписывались с близкими, следили по их письмам за политическими и литературными событиями. Почти все ссылки имели хорошие библиотеки, составленные из книг, которые усердно посылали им родственники. Что же удивительного, если кому-то из них был однажды доставлен список комедии Грибоедова, которой зачитывались жители обеих столиц? А в руки «мещанина Синицына» привели его уже позднее какие-то особые обстоятельства — отъезд, а может быть и смерть владельца.

Но не будем больше задерживаться на списках. Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться, как широко было известно «Горе от ума». Газета «Северная пчела» вряд ли сильно преувеличивала, когда писала в 1830 году, что «в России находится с лишком 40 тысяч списков сего творения Грибоедова».

Однако «Горе от ума» распространялось не только в списках. В то время, как в официальных инстанциях решали, быть или не быть напечатанной комедии Грибоедова, такое издание фактически уже существовало, и даже не одно. В Государственной библиотеке им. В. И. Ленина хранится небольшая книжка в простой обложке без всяких украшений, отпечатанная на грубой серой бумаге.

На первой странице заглавие: «Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Соч. Грибоедова». Ни год, ни место издания нигде не обозначены — книга издана нелегально. Характер шрифта и бумаги говорит, что вышла она на рубеже 1830-х годов. Кто решился отпечатать эту книгу и где это было сделано — можно только догадываться. В издании много грубых орфографических ошибок, отпечатано оно небрежно, вернее, неумело. Такая работа не могла выйти из рук наборщика-специалиста — ее делал явно неопытный человек. Вероятно, книгу печатали в какой-нибудь полковой типографии. В то время при штабах многих полков были такие крохотные типографии, где печатались приказы, распоряжения, ведомости. Наборная касса их была очень мала, все оборудование крайне примитивно; наборщики — случайные люди из числа военных писарей. В такой-то типографии по негласному распоряжению кого-нибудь из офицеров и было, вероятно, отпечатано со списка это издание «Горя от ума».

Тираж его был, конечно, очень невелик — два-три десятка экземпляров. До наших дней дошло всего два экземпляра — один хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, другой — в ленинградской Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А рядом с этой книгой на полках библиотек стоит другая. Она вышла в 1831 году, в городе Ревеле (так назывался нынешний Таллин). Это тоже «Горе от ума», на сей раз изданное вполне легально. Однако русскому читателю эта книга не много могла дать: ревельское издание вышло на немецком языке. Сделанный с рукописного списка, перевод этот входил в серию «Русская библиотека для немцев». Издатель и переводчик ее — Карл фон Кнорринг — включил запрещенную в России комедию в число шедевров русской литературы.

В том же году отрывки из «Горя от ума» были переведены и на польский язык.

Третья попытка напечатать «Горе от ума» была принята в 1833 году, на этот раз в Москве. Об издании ходатайствовали через доверенных лиц наследники Грибоедова — его вдова Нина Александровна и сестра — Мария Сергеевна Дурново.

Дело пошло обычным ходом, и поначалу результат его был тот же, что два года назад, когда в Петербурге хлопотал об издании Булгарин. Московский цензурный комитет, не рискнув разрешить комедию, предоставил вопрос на усмотрение Главного управления цензуры. Московский цензор Л. И. Цветаев, находя ее «неудобной к печати», не решился запретить и доложил, что «одобрить сей рукописи к печатанию... не может», однако ввиду того, что «Горе от ума» уже ставилось в театре, «представляет мнение свое на благоусмотрение комитета»⁴². Московский цензурный комитет обратился за разрешением в столицу. И вот специальный доклад «О комедии под названием «Горе от ума», за подписью министра просвещения графа Уварова, направлен на высочайшее имя: судьбу комедии Грибоедова должен решить сам император. «Сия комедия,— докладывал ему министр просвещения,— по направлению своему и общему духу не может быть дозволена к напечатанию; но принимая в уважение, что она представляется на императорских театрах обеих столиц, Управление не решилось без высочайшего вашего императорского величества соизволения приступить к запрещению сего сочинения».

На докладе Уварова появляется резолюция, начертанная императорской рукой: «Печатать слово от слова, как играется, можно; для чего взять манускрипт из здешнего театра».

Получив высочайшую резолюцию, министр просвеще-

ния спешит запросить в Дирекции петербургских театров список «Горя от ума», утвержденный в свое время театральной цензурой, и направляет его в Московский цензурный комитет с сообщением о том, что комедию разрешено печатать по этому списку. И вот 21 августа Цвегаев, который полгода назад нашел комедию «противной благопристойности и нравственности», подписывает ее к печати. Через три месяца, в ноябре 1833 года, «Горе от ума» появляется на прилавках книжных магазинов. Цена по тем временам очень высока — 10 рублей ассигнациями, — но книга быстро расходуется. «Наконец, вот она, эта знаменитая русская комедия! — приветствовал ее журнал «Московский телеграф». — Наконец она не скользит среди публики, как тать, как запрещенный товар без клейма, как умный мещанин среди надутых аристократов, как тетрадь между книгами! Теперь она сама — книга, предназначенная пережить много книг»⁴³.

Как же случилось, что император Николай I разрешил печатать книгу, которую упорно запрещали почти целое десятилетие?

Разгадка напрашивается сама собой. Вспомним, что писал в своем отзыве Сенковский, доказывая, что для правящих кругов выгоднее разрешить издание «Горя от ума», чем запрещать его: «...рукописные же книги гораздо опаснее, нежели печатные». Зная, как широко разошлись рукописные копии «Горя от ума», император счел за благо издать комедию, «чтобы лишить ее привлекательности запрещенного плода» и «воспрепятствовать распространению списков», — так объяснил тайный смысл этого «прогрессивного» жеста А. И. Герцен⁴⁴.

Итак, «Горе от ума», наконец, появилось в печати. Его наперебой раскупают, с нетерпением открывают обложку, виньетка которой так много говорила читателю той поры: поэтический гений автора и неугасимый светоч

его ума, заслуженные лавры прославленного писателя — все было понятно современникам в языке эмблем, составляющих виньетку, все находило их сочувствие.

Однако первые же страницы книги вызвали горькое разочарование — читатель не узнал любимую комедию. Именно тех строк, которые чаще всего с восторгом переписывались, которые повторялись наизусть и превратились в поговорки, в книге не оказалось.

Император не случайно повелел печатать «Горе от ума» «слово от слова, как играется». Ведь из театрального списка были изъяты все острые, пробуждающие «либеральные идеи» места.

Так, например, почти полностью изъят знаменитый монолог Фамусова во втором акте: из тридцати четырех строк осталось только четыре:

Вот то-то все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя...

Опущен весь рассказ о «подвигах» дяди, которого Фамусов ставит в пример Чацкому, наглядно иллюстрируя преимущества избранного Максимом Петровичем жизненного кредо:

Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб...

Безжалостно изуродованы монолог Чацкого «А судьи кто?..», рассказ Репетилова о «тайных собраниях», разговор Фамусова с гостями о «радикальных» мерах, которые хозяин дома предлагает, чтобы «зло пресечь», — тот самый разговор, который недавно так подвел землера Кудрявцева из Перми.

Заменены все слова и выражения, где был хотя бы отдаленный намек на «либеральные идеи». Такие слова, как «вольность», «свобода», тщательно изымались, независимо от того, какой смысл имели они в контексте. Так, возмущенные реплики Фамусова о Чацком — «он вольность хочет проповедать», «да он властей не признает» — заменены ничего не выражающими словами: «вот что он вздумал проповедать», «он ничего не признает». В монологе Чацкого искажено начало:

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима...

Вторая строка заменена здесь ничего не значащей формулой: «Вражда их к нам непримирима».

Заменялись все прямые ссылки на правительственные учреждения или на правящие круги, на титулованную знать и личность монарха. Особенно досталось уже упомянутому разговору гостей о сумасшествии Чацкого в третьем акте: из него исчезли Педагогический институт, «ланкастерские обучения», «проект насчет лицеев, школ, гимназий». Из второго акта пропали намеки Молчалина на прошлые связи Чацкого «с министрами», а «Фома Фомич», который «при трех министрах был начальник отделения», — превратился лишь в человека «отличного ума и поведенья».

Приведенных примеров достаточно, чтобы понять, как тщательно и, надо сказать, далеко не безуспешно, изымалось или искажалось все, что придавало политическую остроту и злободневность комедии Грибоедова, все, что питало критическое отношение к окружающему.

Разрешив издать «Горе от ума», Николай I рассчитывал на двойной эффект: издание книги должно было ослабить интерес к рукописным копиям, содержащим полный текст, и заменить их в руках читающей публики

текстом, должным образом препарированным. Вместе с тем это разрешение должно было повлиять на общественное мнение, продемонстрировать либерализм правительства.

Однако обмануть читателей оказалось невозможно. За долгие годы своей жизни в рукописных списках «Горе от ума» стало слишком хорошо известно и слишком любимо. Пропущенные места, искаженные строки, нелепую замену отдельных слов — все видел, все понял и должным образом оценил читатель-современник. А увидев и поняв, сделал свои выводы. В приобретенных книгах стали делать рукописные вставки. По спискам восстанавливали полный текст, аккуратно вклеивали переписанные строки. Так появились те экземпляры первого издания «Горе от ума», с которых мы начали наш рассказ.

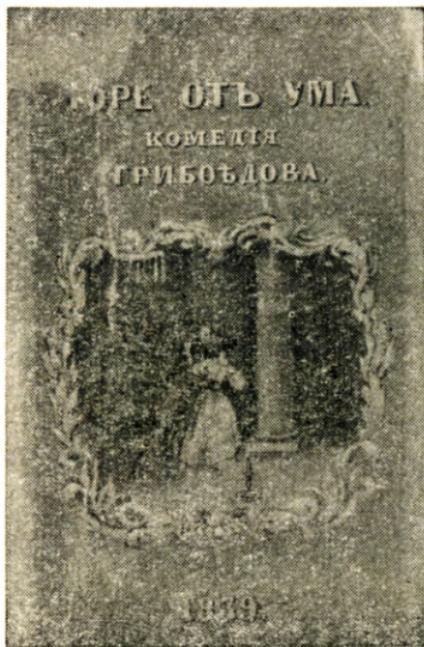
Тщательно восстанавливая все пропуски и искажения, владельцы этих книг обращались к спискам, ценность которых в их глазах еще увеличилась, — ведь на то, что полный текст «Горя от ума» будет напечатан, рассчитывать не приходилось. Но теперь вместо того чтобы переписывать всю комедию полностью, достаточно было сделать соответствующую правку в книге. Оказалось, что труд переписчиков был во много раз облегчен. Так, сам того не желая, Николай I помог распространению полного текста комедии, от которого он хотел отвлечь внимание современников.

Казалось бы, на этом можно закончить рассказ о том, как была напечатана комедия Грибоедова. Однако история книги на этом не заканчивается. Пройдет еще много лет, прежде чем полный текст «Горя от ума» станет доступен широким кругам читателей.

Будущее оценит достойно сию комедию и поставит ее в число первых творений народных.

Декабрист А. А. Бестужев

Второе издание «Горя от ума». На обложке — иллюстрация к IV действию из уваровского списка

стихов. Так продолжалось и дальше. Минуло еще два десятилетия, в течение которых «Горе от ума» ни разу не было издано полностью, — в пределах России это оказалось невозможным. Вот почему попытка издать полный текст комедии была предпринята за границей.

Через шесть лет после появления первого издания «Горе от ума» было переиздано. В 1839 году в Москве вышла маленькая изящная книжечка. Миниатюрный формат; обложка, украшенная иллюстрацией к четвертому акту комедии; портрет автора на фронтиспise; биография Грибоедова, написанная известным критиком К. А. Полевым, — все это выгодно отличало книгу от первого издания. Но в главном все повторялось — те же изъятия, те же искажения смысла, тот же искаченный текст. Через десять лет после гибели Грибоедова власти по-прежнему боялись его

В 1858 году в Лейпциге было выпущено «Горе от ума». Многообещающие слова — «Полное издание» — отпечатаны на обложке. А ниже изображена рука, указывающая на следующую строку: «Единственное полное издание». Издатель книги Юрий Приваловский сообщал в предисловии: «Частые пропуски целых сцен, наиболее рельефных, делали все издания... не удовлетворяющими требованиям читателей, желавших иметь комедию в том виде, как ее создал сам автор. Возможность такого издания в России очень сомнительна. Поэтому мы решились заняться такого рода изданием и в настоящее время представляем его на суд читающей публики».

Книга проникла в Россию, быстро разошлась и вскоре стала библиографической редкостью.

Но вот книга куплена, перевернута первая, вторая страницы. И что же? Многие стихи искажены, некоторые слова пропущены, порой нарушен даже ритм стиха.

Особенно обескуражил читателя последний монолог Чацкого, напечатанный в совершенно новом, по сравнению с двумя первыми изданиями, варианте. Правда, он нередко встречался в рукописных списках комедии. Вот его начало:

Не образумлюсь... виноват, —
Не знаю, как я невпопад
Представил вас себе одной из хладнокровных
Искательниц фортуны и женихов чиновных,
Которой красоте едва дано расцвести...

Но не будем продолжать. Для читателя, знавшего годлинный текст, видеть новые искажения было невыносимо. Рука его невольно тянулась к карандашу, и на страницах появляется множество помет — тут вычеркнуто лишнее слово, там вписан пропущенный стих. Такой экземпляр с пометами хранится в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Все эти ошибки понятны. Очевидно, списки, которыми пользовался для своего издания Приваловский, были неточны, сильно испорчены при многократной переписке. И все же ценность издания совершенно очевидна — в него вошли многие строки из тех, которые упорно исключались ранее:

В том же 1858 году в Берлине было напечатано еще одно издание «Горя от ума». На титульном листе значилось, что это «полнейшее издание». Видимо, Фердинанд Шнейдер, выпустивший его, хотел сказать, что его книга полнее передает текст комедии, чем издание Приваловского. На самом деле Шнейдер повторил все ошибки своего предшественника.

Конечно, оба издания были гораздо полнее, чем те, которые выпускались в России. Но печатались они по неточным спискам и невольно вносили в текст «Горя от ума» новые искажения.

В 1860 году издатель Рудольф Вагнер выпустил в Берлине «Сочинения А. С. Грибоедова» и в свою очередь поместил на обложке: «Первое полное издание». В известном смысле он имел на это право, сделав первую попытку собрать воедино все, что вышло из-под пера Грибоедова. Но текст «Горе от ума» не обогатился новыми стихами по сравнению с изданиями Приваловского и Шнейдера.

Однако вернемся в Россию. В 1862 году, вскоре после отмены крепостного права, было выпущено новое издание комедии. И здесь на обложке также значилось: «Первое полное издание». Для России оно действительно таким и было, поскольку впервые стало возможно восстановить пропуски. Однако и это издание пестрит ошибками и искажениями, обусловленными тем, что в руках издателя Николая Тиблена так же, как и у его предшественников, был не подлинный текст комедии, а списки.

С тех пор на долгие годы «Горе от ума» обречено печататься с ошибками, хотя официальные запреты сняты с него. Издатели вынуждены были пользоваться случайными списками, нередко полными ошибок. Ведь подлинная рукопись окончательной редакции комедии, написанная рукой Грибоедова, не сохранилась, а те списки, которые он держал в руках, исправлял и тем самым апробировал, находились в частных архивах. Мы уже говорили о них — это рукопись первого варианта, оставленная Грибоедовым у Бегичева, — «Жандровская» и «Булгаринская» рукописи. И много лет пройдет, прежде чем они станут достоянием исследователей, которые путем тщательного изучения и сравнения их восстаноят подлинный текст «Горя от ума».

Это произошло только в 1912 году. Почти через семьдесят лет после выхода в свет первого издания комедии Грибоедова она была напечатана полностью.

Казалось бы, полный текст «Горя от ума» пришел к читателю слишком поздно. Давно ушла в прошлое эпоха, описанная Грибоедовым, отзвучали мысли и чувства, тревожившие его современников.

Но нет, комедия не устарела, она продолжает жить и в наши дни, по-прежнему волнует высокими благородством заложенных в ней идей и неувыдаемой красотой поэтических образов.

Не в самодельных списках, а в миллионных тиражах расходуется она по всей стране. Оправдываются пророческие слова, начертанные на могиле Грибоедова:

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10-ти т. Т. X. М.—Л., 1951, стр. 76.
- ² А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1929, стр. 27.
- ³ Там же, стр. 18.
- ⁴ *Грибоедов А. С.* Сочинения. М., 1956, стр. 565—566.
- ⁵ Там же, стр. 567.
- ⁶ Там же, стр. 565.
- ⁷ Там же, стр. 567.
- ⁸ Там же, стр. 570.
- ⁹ «Русский архив», 1871, № 6, стр. 241.
- ¹⁰ Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1911, стр. 76, 78.
- ¹¹ *Грибоедов А. С.* Соч., стр. 566.
- ¹² Там же, стр. 577.
- ¹³ Там же, стр. 570.
- ¹⁴ Там же, стр. 570.
- ¹⁵ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, стр. 27.
- ¹⁶ Там же, стр. 137—139.
- ¹⁷ «Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым». М.—Л., 1960, стр. 496.
- ¹⁸ «Литературное наследство». Т. 47—48. М., 1946, стр. 234.
- ¹⁹ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1947, с. 259.
- ²⁰ Там же, с. 260.
- ²¹ *Нечкина М. В.* Грибоедов и декабристы. М., 1951, стр. 434.
- ²² *Якушкин И. Д.* Записки, статьи, письма. М., 1951, стр. 12.
- ²³ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, стр. 159, 137.
- ²⁴ *Сакулин П. Н.* Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Т. 1. Ч. 1. М., 1913, стр. 95.
- ²⁵ Письмо В. Ф. Одоевскому 15 октября 1821 г. — *Одоевский А. И.* Полн. собр. стихотворений и писем. М.—Л., 1934, стр. 259.
- ²⁶ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, стр. 159.
- ²⁷ Там же, стр. 159—160.
- ²⁸ *Петербургский старожил В. Б.* Забавный случай из жизни Грибоедова. — «Русская старина», 1872, № 8, стр. 307.
- ²⁹ Там же, стр. 307.
- ³⁰ Письма Н. М. Языкова к родным... СПб., 1913, стр. 203.
- ³¹ *Бестужев-Марлинский А. А.* Сочинения в 2-х т. Т. 2. М., 1958, стр. 625.
- ³² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. X, стр. 122.
- ³³ *Беляев А.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, стр. 155.

- ³⁴ Письмо Е. И. Булгаринной, 5 июня 1828 г. — *Грибоедов А. С.* Соч., стр. 631.
- ³⁵ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, стр. 112.
- ³⁶ *Грибоедов А. С.* Соч., стр. 584—585.
- ³⁷ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, стр. 112.
- ³⁸ *Никитенко А. В.* Дневник. Л., 1955, стр. 102. Запись от 16 февраля 1831 г.
- ³⁹ «Русская старина», 1892, № 10, стр. 216.
- ⁴⁰ «Северная пчела», 30 ноября 1831 г.
- ⁴¹ *Грибоедов А. С.* Горе от ума. Тбилиси, 1946. В приложении приведено дело Главного Управления цензуры «По представлению попечителя С.-Петербургского учебного округа о комедии «Горе от ума». Ниже выдержки из дела цитируются по этому изданию (стр. 158—161).
- ⁴² *Шаломытов Н.* К семидесятилетию «Горе от ума» в печати. — «Русские ведомости», 21 августа 1908 г. Далее все документы, связанные с историей первого издания «Горя от ума», цитируются по этой публикации. См. также: *Краснов П.* В тисках царской цензуры. — «Вопросы литературы», 1967, № 5, стр. 252—253.
- ⁴³ «Московский телеграф», 1833, № 18 (сентябрь).
- ⁴⁴ *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. Т. XVIII. М., 1959, стр. 179.

Гладыш
Ирина Александровна

Динесман
Татьяна Георгиевна

«ГОРЕ ОТ УМА»

Страницы истории.

Редактор
Э. Б. Кузьмина
Художественный редактор
Н. Д. Карандашов
Технический редактор
Н. Н. Мамонтова
Корректор
С. В. Дегтярева

Издательство «Книга»,
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Московская типография № 24
Главполиграфпрома.

А02710. Сд. в наб. 21/XII-70 г.
Подп. к печ. 7/IV-71 г.
Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 3
Усл. печ. л. 2,8. Уч.-изд. л. 2,55.
Тираж 40 000 экз.
Изд. № 192. Заказ. № 869.
Цена 10 коп.

Цена 10 коп.